

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

Она проста и непостижима, нелепа и прекрасна. Философски рассуждая о любви, она приходит к выводу, что мелкие романы – это лишняя забота, а одиночество есть независимость, которую надо воспринимать как благо. Она не делает тайну из своей жизни и всегда остается верна самой себе. В профессии Татьяна Васильева выше всего ценит импровизацию и хочет сыграть женщину такой, какая она была создана Богом.

– Я иногда себя спрашиваю: «Какой возраст я хотела бы иметь и насколько бы хотела, чтобы мне было меньше лет?»

– И как вы отвечаете на этот вопрос?

– Трудно сказать. Ведь прямо пропорционально стало бы меньше и в моей голове, и в моем актерском багаже. Что я предпочту? Наверное, то, что имею сейчас.

– Но сейчас вы уже не можете играть роли, которые сыграли бы в молодости. Вас это не угнетает?

– Нет. У меня столько ролей, которые я хотела бы сыграть и которые подходят мне по возрасту. Я, например, играю Еву в спектакле «Место, похожее на рай». Сначала во мне все возмутилось: «Ну, куда я, зачем? Опять будут говорить, что я что-то доказываю». А потом поняла, что это никакого отношения к возрасту не имеет. Сколько ей лет? Да хоть сто. Она, кстати, в 100 лет родила первого ребенка. Мне легко это играть, и меня забавляет откровенная буфонада, которую я очень люблю. Работаю я в трико телесного цвета, что меня тоже подстегивает. Ведь Бог лепил красивую женщину. И когда я увлеклась задачей, мне стало все равно – сколько мне лет, и что обо мне подумают.

– А вы легко переживаете неудачи в профессии или в личной жизни?

– И то, и другое бывает убийственно. Но когда ничего изменить не можешь, ты должен просто это пережить, перестрадать, измучить себя. Сжечь. А потом – на пепле – все начать сначала. И тебе никто не поможет, кроме тебя самого. Конечно, надо жизнь прожить, чтобы это понять. А в момент отчаянья ты ничего не хочешь слышать, и происходит самоуничтожение. Но оно тоже полезно: вместе с ним уничтожается и то, что тебя мучает. Не остается ничего.

– Вы с детства решили стать актрисой?

– Я была слишком закомплексованной, неуверенной в себе. И создала свое несовершенство в преумноженных степенях. Была очень большой, нескладной и страшно себя стеснялась. Я вся состояла из сплошных недостатков. По крайней мере так себя видела. Бесцельно слонялась по Ленинграду, ходила в школу, где была очень средней ученицей, и ничего из себя не представляла, никакими талантами не блистала, мне было очень тяжело. Это все прекратилось, когда у меня появилась цель в жизни. Будто какая-то сила толкнула меня попробовать в театре. Скорее всего от отчаянья. И я совершенно забыла, что я самая длинная и нескладная, что у меня одно плечо выше другого. Передо мной появился другой свет и до сих пор он меня ведет. Я прошла туры во все театральные вузы и даже во ВГИК, но выбрала школу-студию МХАТ. Для меня эти буквы очень много тогда значили.

– А если бы вас не приняли в театральный, чем бы тогда занимались?

– Если бы такое случилось со мной, я бы повесилась где-нибудь.

– Что из полученного в школе-студии вы считаете самым главным?

– Там в меня вбили, как гвозди, правила игры, которые никогда нельзя нарушать, если ты профессиональный артист.

– И что это за правила?

– Они могут показаться кому-то ерундой, о которой не стоит говорить. Но на них и держится то, что называется мастерством. В жизни мы все полны реакций, с нами все время что-то происходит, каждую секунду. Так должно быть и на сцене. А ведь это самое трудное – реагировать на кого-то, на что-то. И поэтому, когда репетируешь, нужно размять материал, а самому стать податливым фаршем, который все время принимает разные формы. Иначе на сцене ты наскучишь через 5 минут и с самого первого слова зрителям будет понятно, каким станет последнее. А это уже приговор для артиста. Еще одно неписанное правило: нельзя говорить одновременно с партнером. У каждого, как у инструментов в оркестре, своя партия, которая обязательно должна прозвучать, иначе будет утрачен всякий смысл.

– С этим багажом вы сразу попали в Театр сатиры...

– Мне очень повезло, но и трудно было невероятно, потому что я сразу получила так много больших ролей. Писали обо мне ужасно, в труппе я всех раздражала, и было тяжело тянуть эту лямку. Я понимала, что никакая я не героиня – по своим данным и по тем временам. Это сейчас проблемы с амплуа уже не возникает. И я не должна была играть комиссара «У времени в плену», принцессу в «Обыкновенном чуде». А Плучек, видимо, носом чует, что грядут какие-то перемены, что нужно идти вразрез со штампами и общими представлениями, давал мне материал на сопотривление. Он даже не снимал меня с ролей, когда я была беременная. Я до 9 месяцев играла Софью в «Горе от ума». Через неделю после родов я пришла и

ОДИНОЧЕСТВО - МОЕ БОГАТСТВО

не потеряла ни одной роли. Он все для меня сохранил.

– А при каких обстоятельствах вы ушли из театра?

– Я вышла во второй раз замуж – за Георгия Мартыросьяна, а поскольку он в штате не был, то и денег почти не получал, и жить было тяжело. Я попросила Плучека взять Георгия в труппу, но он отказал из-за ревности ко мне. Для Плучека было большим ударом узнать, что мы поженились: он не думал, что я такое сотворю. Так мы с ним и расстались, не глядя друг на друга, и больше никогда в жизни не встречались.

– Вас связывали с Плучеком только платонические отношения?

– Ну, конечно, нет.

– Вы были его любимой женщиной?

– Думаю, была какое-то время.

– А вы его любили?

– Я была ему очень благодарна. И эта благодарность была настолько сильна и высока, что ее можно было расценивать как чувство. Плучек углядел во мне актрису. И поднял меня на совершенно другой уровень развития, как художника. Он заставлял меня читать нужные книги, таскал за собой на все спектакли и выставки. Покупал мне альбомы художников, которых я никогда не знала и не видела прежде. У меня полный дом таких книг – и Босха, и Брейгеля, и Возрождение, и импрессионисты. Все это я узнала благодаря Валентину Николаевичу, который был человеком необыкновенного образования и культуры.

– А что для вас значит любовь?

– Любовь – такое понятие, которое я даже не могу и объяснить. Если есть только одна страсть – это не любовь, только одна дружба – тоже не любовь, уважение к друг другу как к личности и профессионалу – тоже совсем другое. Наверное, любовь – это когда все в совокупности. И прежде всего, когда ты живешь ради другого человека, когда он для тебя превыше всего. И ты встаешь за ним следом, но не перед ним. Когда ты его поднимаешь на пьедестал и горда этим. А если этого нет, то нет и любви.

Раньше считалось из ряда вон выходящим, когда муж изменял жене. А сейчас это фактор просто необходимый, иначе тебя будут считать каким-то неполноценным, если ты не имеешь любовников или их немного. Иначе

ты неинтересен. Поэтому можно даже выдумывать что-нибудь, будто у тебя есть какой-то роман, что ты любим.

– Вам встречались в жизни мужчины-рыцари, воины?

– Это мой отец. В нем сочетались все эти качества. Он прошел всю войну. Как уцелел, не знаю. Правда, потом вскоре умер. Он любил мою маму без памяти, был всегда для нее рыцарем. Они никогда не расставались. Он работал слесарем-инструментальщиком на заводе, был не очень сильным мужчиной, далеко не атлетического телосложения. Невысокий хрупкий человек, но тем не менее очень мужественный. Очень красивый. Я бы что угодно отдала за то, чтобы сейчас отец вернулся и был рядом со мной. Мне, конечно, дорога и мама. Но мы говорим о мужчинах, а он для меня – эталон всего мужского в жизни. И любой из мужчин, кого я знала, особенно современных, проигрывает в сравнении с ним.

– Вы не страдаете от одиночества?

– Мое одиночество – это мое богатство. У меня есть возможность работать над собой и мне никто в этом не мешает. И если вдруг случится какой-то любовный роман, то он просто выбьет меня из колеи. У меня настолько напряженная жизнь, что времени на романы не остается. Мне кажется, я уже свое отлюбила. Хотя, может это и нужно, чтобы успокоиться и не думать, что тебе надо скорей бежать на озвучивание или на съемку, в спортивные залы или в библиотеку. И еще тысячами дел, которые лежат только на тебе и их не на кого скинуть. Но роман – это и лишняя забота. Когда влюбляешься, ты уже перестаешь принадлежать себе. Появляется некое существо, которое будет тоже претендовать на тебя. К примеру, даже кошка и то изменила мою жизнь. У меня с ней много проблем. Я должна эту кошку понимать, вставать на ее место. Вот ей хочется лежать на мне, пусть лежит. Хочется съесть цветок, пусть съест, раз ей это надо. Всех надо понять и принять, так меня научили. «А меня вот никто не понимает». (Цитирует «Трактирщицу» Гольдони.)

– Вы по жизни обидчивый человек, обижаетесь на чужую грубость или глупость?

– Обижаясь, но держу себя в узде. Раньше очень страдала, мне надо было кому-то

тут же рассказать обо всем или попытаться выяснить все с тем человеком или с театром. А теперь я поняла, что выигрывает тот, у кого больше выдержки. Если выдержу час-два, день, то ситуация кардинально меняется и причем в мою пользу.

– Вы себя считаете сильной или слабой? И кем хотите быть на самом деле?

– Хотела бы оставаться той, какая я от природы. Но очень боюсь, что мир против таких, как я. Я слишком беззащитна и подо мной нет никакой опоры. Я одна на этом плоту и чуть шторм посильнее, он начинает так раскачиваться, что, не дай Бог, перевернется. Меня поддерживает совершенный абсурд – то, что на меня рассчитывают мои дети. И в работе от меня зависят многие люди.

– Кто, по-вашему, идеальный партнер?

– Это так же, как в отношениях мужчины и женщины: друг для друга надо на сцене существовать, а не только для себя. Я не скажу ничего нового, если назову Валерия Гаркалина, которого очень высоко ценю: его интеллект, его талант. Он может играть абсурд, что редко кто умеет делать. Он и меня этому научил. А еще и чувству формы. Я теперь четко понимаю: когда нет формы, спектакль распадается.

У меня было много разных партнеров, и лучшие из них те, кто существует на уровне инстинктов. Тогда они живые. И чувствуют тебя, как дрессированные мишки или зайки, и идут вместе с тобой, понимая твою игру. Один из них – Георгий Бурков. Я с ним играла несколько раз в кино и никогда не знала, как и что он мне ответит. Это высочайшее проявление профессионализма, когда актер импровизирует на ходу, когда у него ничего не подготовлено заранее. И когда ты попадаешь в ловушку удачной талантливой импровизации, это и есть самый кайф: как ты ответишь, как ты продолжишь ее. Как в джазе. Такими партнерами были Евгений Евстигнев, Иннокентий Смоктуновский, Евгений Леонов – актеры чувства и интуиции.

– Вы сейчас в свободном полете. Вас не пугает такая независимость?

– Скорее, наоборот: меня больше страшит зависимость. Я вряд ли могу быть актрисой одного театра: у меня нет времени ждать. Сейчас я выбираю сама – и пьесу, и режиссера. Но это трудно. Проще найти деньги, чем все остальное.

– Вам встречались режиссеры, которые бы перевернули ваше привычное представление о мире и о профессии?

– Мне повезло, у меня было даже два таких режиссера – это Питер Штайн и Петр Фоменко. По крайней мере они всегда могли ответить конкретно на конкретный вопрос. И хотя Штайн очень злился, когда я его о чем-то спрашивала, но иначе я просто не сыграла бы роль Клитемнестры в «Орестее». Когда он объявил, что ему все равно, будет в зале один человек или миллион, мне стало ясно, что спектакль – это его лаборатория, его поиски. И, конечно, было интересно принять в этом участие. Хотя я так и не смогла абсолютно соответствовать его рисунку. Он – против всяких эмоций, слез и чувств. Его создание – машина, которую он включает и она начинает работать. И кстати, производит на зрителя очень сильное впечатление, и эмоциональное в том числе, несмотря на то, что сам он этого не любит. А я не смогла сделать так, как он хотел. Все равно давила слезами по поводу потерянного ребенка, по поводу мужа, который ушел, и потом убивая этого мужа.

А у Фоменко я сыграла в спектакле «Плоды просвещения» в театре Маяковского. И если Штайна совершенно не волнует индивидуальность актера, его возбудимость, то Фоменко – абсолютно актерский режиссер. У него все основано на чувстве, на перемене настроения, на состоянии. И он показывает так, что уже объяснять ничего не надо. Конечно, мне его режиссура ближе, как, думаю, и любому нашему актеру. Но поработать со Штайном было для меня очень полезно. По крайней мере в моей жизни существует два больших критерия, к которым еще никто пока не приблизился.

– Скажите, кого вам сегодня интересно играть?

– Мне все интересно, кроме сильных эмансипированных женщин. Хочу сыграть женщину такой, какая она есть на самом деле и какой была создана Господом: непосредственной, наивной, не боящейся своих слабостей, своего свежего восприятия мира. Но когда женщина так себя ведет, все у нас думают, что она чокнутая или просто изображает из себя кого-то. Поэтому будучи такой от природы, я уже давно перестала это делать. А иногда так хочется чему-то порадоваться – просто тому, что солнце взошло. Чему-то возмутиться, хотя ничего не произошло. Но я все скрываю, держу в себе, а это неправильно.

– То есть вы человек по натуре замкнутый?

– Нет. Я чересчур открыта, Вы же видите это по нашему разговору. Считается, что нельзя так откровенничать, что из многого нужно делать тайну. Но тогда заранее надо придумывать про себя и какую-то другую жизнь, чтобы потом о ней рассказывать. А я этого не умею делать: тогда еще противнее становится.

Наталья САВВАТЕЕВА

Васильева Татьяна 11.3.2005